

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• супостат •

Иван Иванович Любенко
Супостат
Серия «Клим Ардашев», книга 10

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8891328
Любенко, Иван Иванович. Супостат: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78006-8*

Аннотация

Петроград, февраль 1915 года. Клим Пантелеевич Ардашев, статский советник МИДа, узнает от своей жены о несчастье, постигшем ее модистку, работавшую в ателье «Мадам Дюклэ». Белошвейка Анна Извозова подверглась нападению неизвестного. Ее усыпили хлороформом и ослепили, оставив на лице глубокие рваные раны. Поразительно было то, что их «рисунок» напоминал перевернутые кресты. Чтобы изобличить преступника, Ардашеву предстоит не только понять мотивы его злодеяний, но и проверить на прочность семейные узы, став любовником... своей собственной жены!

Содержание

1	5
2	16
3	26
4	32
5	38
6	61
7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Иван Любенко

Супостат

© Любенко И., текст, 2015

© Асадчева Е., иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

1

Модистка

Женщина – создание беззащитное. Особенно если она молодая, красива и бедна. И сколько же кружится вокруг такого мотылька хищников! Коллежские секретари и ассессоры из Присутственных мест с завитыми кверху усами, купцы-миллионщики с блестящими на солнце лысинами, напористые, как эскадрон, корнеты и убеленные сединой отставные генералы. Все они – кто подолгу, а кто мельком – останавливали взгляд на юной Сильфиде, проплывающей среди разодетых манекенов ателье «Мадам Дюклэ», что находилось в Петрограде на Измайловском проспекте. Но больше всего Анну раздражали приставучие, как клейстер, приказчики галантерейного магазина «Парижский свет», ведь с ними очаровательной модистке приходилось общаться два раза в неделю.

Вот и сейчас она стояла у прилавка и пересчитывала отпущенный в кредит товар: аграмант восьмигранный – пять аршин; стеклярусные кружева по тюлю (черные и цветные) – по пять аршин каждого наименования; плюмаж из птичьего пера (цвета гелиотроп) – две коробки; лента муаровая – десять аршин; лента атласная (красная) – семь аршин; пуговицы кокосовые (с ножкой) – 100 штук, (с прошивными ушками) – 50 штук; эластики для подвязок – 30 штук; бахро-

ма с золотом – десять аршин; канитель серебряная – восемь аршин; белый газ – десять аршин; красный рытый бархат – пятнадцать аршин; швейцарский муслин на коленкоре – двадцать аршин.

– И все-таки вы не ответили на мой вопрос, будете ли вы свободны на этой неделе? – пропел над аккуратным ушком высокий приказчик с напomaженными волосами.

– Простите, Тимофей Спиридонович, но у нас много работы, – смущаясь, вымолвила барышня.

– Ох, Анна Ивановна, Анна Ивановна! Не жалуете вы меня. Вот уже почти год, как я пытаюсь обратить на себя ваше внимание, но все без толку.

– Работы много-с, – едва слышно пролепетала девушка. – Да и хозяйка строга.

– Да при чем тут хозяйка? Вы смотрите, какие погоды стоят! Морозец совсем легкий! Солнечно и тихо! Для здешних мест – большая редкость. В феврале у нас самые холода да ветра с Финского залива... А тут – Божья благодать. Покатались бы на санях, в кондитерскую бы зашли, чаю или кофею откушали. Или вот давайте фильму новую посмотрим, комедию, с Людвигом Трауманом, «Пожиратель женщин» называется, а?... Жизнь-то проходит, Анечка! Дорогая!

– Но вы же, Тимофей Спиридонович, женаты. Семья у вас...

– И что? – Мужчина даже выпрямился от удивления. – Чем вам, скажите, моя семья повредить может? Я ведь вас

из уважения, можно сказать, на прогулку приглашаю. Ничего такого-с, предосудительного... А впрочем, – он горько вздохнул и махнул рукой, – у вас вечные отговорки. Ладно. Нет так нет. Прикажете заворачивать?

Модистка кивнула.

– А вы, Анечка, с извозчиком прибыли? – за спиной белошвейки раздался чей-то резкий, как скрип ржавой калитки, голос. Обернувшись, она увидела управляющего галантерейного дома господина Мориса Гюстена, только что вышедшего из своей комнаты. Слегка поклонившись, девушка ответила:

– Нет, на трамвае. Но теперь придется нанять извозчика.

– Не стоит, право, беспокоиться. Для вас, как для постоянной покупательницы, не только скидки, но и бесплатная доставка-с. – Он повернулся в сторону приказчика и распорядился: – Тимофей, помогите Анне Ивановне товар погрузить. Экипаж за наш счет.

– Сию минуту-с...

– Вы очень добры, месье Гюстен, – пролепетала брюнетка и зарделась.

– Ну, голубушка, как поживаете?

– Все хорошо-с, – ответила Анна и опустила глаза. Она чувствовала, как по ее лицу и стану скользил бесцеремонный взгляд француза.

– Я вижу, у вас много работы.

– Да. Поступил заказ от Александрийского театра.

– О! Это большая честь! – воскликнул галантерейщик. –
Передайте мои поздравления мадам Вяземской.

– Всенепременно-с...

– А впрочем, я ее и сам увижу на днях... А вы, голубушка, засиделись в белошвейках. Пора бы уже и на серьезную должность определяться. У меня, кстати, вакансии открылась – уволился приказчик, отвечавший за прием товара. Вот и пожалуйте на его место. Милости, как говорится, просим. Месячное жалованье на первое время – сорок рубчиков. К концу года, если с делом будете справляться, подниму до пятидесяти. Фаина Мелентьевна, при всем моем уважении к ней, и тридцати вам не платит, так?

– Все так неожиданно, месье Гюстен, – девушка ушла от прямого ответа. – Я и не знаю, что сказать. Ведь госпожа Вяземская так много сделала для меня... Особенно после того, что случилось с матушкой.

– Да, я слышал об этой трагедии. Но ведь я вас не то-

роплю. Подумайте. А в среду, – он повернулся к висевшему на стене календарю, – соблаговолите ответить. Больше времени дать не могу – коммерция промедления не терпит. Договорились?

– Да-да, – закивала головой модистка. – Я обязательно, обязательно вам протелефонирую... завтра.

– И славно! Я уверен, – он приблизился на шаг, заглядывая собеседнице в глаза, – мы с вами сработаемся, не правда ли, милочка?

– Конечно, – отступая, пробормотала девушка, – непременно...

Заметив, что весь товар уже вынесли и приказчик в нерешительности топчется у дверей, она промолвила:

– Простите, мне пора.

– Ступайте, дитя мое. Я буду ждать вашего решения, – менторским тоном провещал француз и подкрутил и без того вздернутые кверху усы.

Анна торопливо покинула торговую залу и вышла на улицу. Картонные коробки и завернутые в бумагу отрезки были уложены таким образом, что оставалось место и для пассажира. Приказчик галантно подал руку и помог барышне забраться в экипаж.

– Спасибо, Тимофей Спиридонович. Вы очень любезны.

– Не стоит благодарностей, Анна Ивановна. Мое сердце для вас всегда открыто. – Он повернулся к извозчику и повелел: – На Измайловский, к салону «Мадам Дюклэ», да смот-

ри побыстрей и поаккуратней!

– Ученого учить, что мертвого лечить, – повернувшись к приказчику, дерзко ответил извозчик. Вскинув вожжи, он крикнул: – Но, милаи! Поехали!

Пролетка понеслась по заснеженной мостовой. Железные обода со скрипом давили сахарный снег. В движении холод чувствовался сильнее. Пуховый белый платок, ротонда, отделанная кроличьим мехом, и муфта надежно согревали девушку. А мороз все не успокаивался. Он, точно навязчивый сладострастник, норовил залезть под юбку, коснуться своим холодным дыханием нежного женского тела, но, несмотря на все старания, ничего у него не выходило. Зимнее *dessou*¹, согревавшее стройные ножки, облаченные в дешевые фильдекосовые чулки, сводило на нет все непристойные устремления февральского волокиты. От злости и бессилия неудовлетворенный ловелас принялся пощипывать нос и колоть невидимыми иголками покрасневшие девичьи щеки.

«Ехать еще не меньше четверти часа», – подумала Анна. Чтобы совсем забыть о холоде, она стала смотреть по сторонам и читать вывески торговых рядов, лавок и модных салонов. Многие названия были для нее знакомы, но из-за дороговизны недоступны, хотя в некоторых она уже и бывала – делала покупки для своей хозяйки. Огромные витрины, украшенные еще до Рождества, изумляли разнообразием и изысканностью. Особенно поражал магазин игрушек Дойни-

¹ Dessou – (фр.) (уст.) – десу; 1) нижнее белье; 2) нижняя юбка (прим. авт.).

кова в Гостином дворе. В саженном окне была выставлена большая кукла с золотистыми локонами в пышном кружевном платье. Она, точно живая, поворачивала голову и даже кланялась. В России такие механизмы делать не умели, и наверняка ее привезли из Германии еще до войны. Ведь теперь за одно упоминание о немецком товаре полиция могла прикрыть торговлю.

Аня, выросшая без отца, вспомнила, как в детстве, проходя мимо такой же витрины, она просила маму остановиться и постоять минутку-другую. Нет, она никогда не кланчила и не просила купить ей такое чудо, отлично понимая, что для этого у них просто не было денег. Зато потом, всю дорогу до маминой работы – небольшой портняжной мастерской, расположенной в подвале, – она представляла, как наряжала бы новую подружку и даже кормила бы ее овсяной кашей из чайной ложки. Но Жази – почему-то именно так она нарекла ее – наверное, тоже отказалась бы от этого жидкого невкусного варева.

И так они останавливались каждый день у витрины, смотрели на нее и молчали. Мама и дочь. Вскоре они не заметили, как привыкли к ней, сроднились. Жази стала частью их существования. Каждое утро девочка, перебирая своими маленькими, точно фарфоровыми ножками, бежала за мамой вприпрыжку, предвкушая новое свидание с любимой куклой.

Но однажды она исчезла. Ее купили. Полукруглый окон-

ный проем смотрел слепой глазницей. Анята рыдала, а мама успокаивала ее и говорила, что это даже очень хорошо, что Жази забрали, потому что в таком большом холодном магазине ей, вероятно, было зябко. К тому же, добавляла мама, она попала в добрую семью. И там ее будут любить. И, возможно, даже больше, чем мы. Эти слова обижали девочку, и Анята выкрикивала сквозь слезы, что никто и никогда не сможет любить Жази больше, чем она. Мама гладила ее по головке, вздыхала и, смахивая украдкой жемчужную слезинку, соглашалась.

Полина Евграфовна Извозова ослепла два года назад. Глаза золотошвейки не выдержали ежедневного напряжения, и утро однажды для нее так и не наступило. Сорокалетняя женщина погрузилась во тьму. Знакомый врач, который навещался в доходный дом на Болотной, лишь разводил руками, тряс головой и что-то лепетал про катар глаз и сигнатуру. Только все оказалось тщетно. Ни сабуровые капли, ни промывания квасцовой водой, ни васильковые компрессы не помогли вернуть зрение. И постепенно мать смирилась с судьбой.

К тому времени, когда случилось несчастье, Аня уже работала модисткой в салоне «Мадам Дюклэ». Новая хозяйка сохранила старое, привычное для горожан название. Узнав, что девушка содержит не только себя, но и больную мать, она добавила к ее месячному жалованью десять рублей. Правда, появились и новые заботы: Анна теперь не только ши-

ла восточной, мозаичной гладью и сутажем, исполняя всевозможные виды кружев (от датского «Гедебо» до бразильского Sols), но и отвечала за закупки товара. Жизнь, хоть и омраченная внезапным недугом матери, постепенно налаживалась и становилась на прежние рельсы. Да и сосед Алексей – студент Технологического института – ухаживал за Анной с таким подобоострастием, что в серьезности его намерений сомневаться не приходилось.

Мелькали дома и старинные особняки. Пугая прохожих, выскочил автомобиль и, как сумасшедший, прокрякал клаксоном. Совсем рядом степенно прогремывал желтый трамвай. Запахло машинным маслом. На перекрестке встретился строй солдат с винтовками. Улыбчивый подпоручик поймал ее взгляд и приветливо махнул рукой. В ответ Анна, румяная и красивая от мороза, послала ему воздушный поцелуй. «Кто знает, – подумала она, – сколько жить осталось этому молодому офицеру». Она вспомнила, как недавно провожала вместе с Алексеем его друга, который отправлялся вольноопределяющимся в пехотный полк. Составы на Варшавском вокзале стояли на разных путях и уходили бесконечной чередой, один за другим. А назад они возвращались с ранеными. Для их приема была проложена ветка, шедшая от городской трамвайной сети.

Экипаж незаметно подкатил к ателье, и девушка принялась заносить коробки и свертки. На помощь ей тотчас же бросился закройщик – Арон Яковлевич Шнеерзон, который

в это время, по обыкновению, выходил курить. Ни для кого не было секретом, что пятидесятилетний вдовец питал к модистке нешуточные симпатии. Поговаривали даже, что он собирался сделать ей предложение. Но трагедия с матерью остановила его. Брать на свое содержание такую обузу Шнеерзон не решился. И «птичка» упорхнула. Вернее, ее увели из-под самого носа. Кавалером оказался какой-то худосочный студентишка в черной двубортной шинели и фуражке с лакированным козырьком. Но закройщика отчего-то больше всего раздражали его золотые пуговицы, отливающие на солнце ярким светом, и наплечный вензель с изображением двух знаков: «НП». И потому всякий раз когда Арон Яковлевич, узнавая о появлении в ателье этого высокого и улыбчивого молодого человека, у него портилось настроение и появлялось жгучее чувство ревности. Это было видно по его недовольному лицу, которое в эти минуты он опускал над раскройным столом еще ниже. «Только жизнь – штука переменчивая, – мысленно рассуждал Шнеерзон. – Глядишь, и заберут ухажера на фронт. И вот тогда, может, все и повернется совсем другим, светлым боком».

Но пока все оставалось по-прежнему, и Анна, судя по всему, была без ума от своего поклонника.

Фиакр освободили, и тяжелая деревянная дверь швейного магазина «Мадам Дюклэ» захлопнулась. А внутри, как всегда, царила обычная дневная суeta, и модистка принялась за работу.

2

Ночной гость

И все-таки он пришел. А я так надеялся, что мы навсегда расстались. Я ведь выполнил все, что он приказывал, но вчера сатана явился вновь. Я почувствовал, что кто-то пристально смотрит на меня, и от этого проснулся. Возникнув прямо из сна, он стал явью.

Весь в черном, он стоял у белой стены и молчал. В знак приветствия визитер лишь слегка приподнял цилиндр. Его тонкие губы трогала едва заметная ироничная улыбка. Он не был похож на Мефистофеля, которого исполнял Федор Шалапин, нет. Князь мира скорее напоминал отставного военного, сохранившего довольно сносную физическую форму. Коротко стриженные волосы, будто намаженные фикса-туаром, отливали темным блеском и серебрились едва заметной сединой. Лицо хоть и казалось нездоровым из-за желтушного цвета, но все же имело правильные черты: брови вразлет, прямой ровный нос, слегка заметные скулы и подбородок с ямочкой (такие лица всегда нравятся дамам!). Аккуратные бакенбарды, клиновидная борода и усы пирамидкой не смогли бы выделить его из толпы, если бы не глаза: они светились зловещими красными огоньками, точно тлеющие угли. И от этого он казался возникшим из потусторон-

него мира существом, которое находится рядом с людьми, но остается невидимым и обретает человеческий облик только по необходимости: для того чтобы смертные принимали его за одного из своих. И это, собственно, было сущей правдой.

Я вполне допускаю, что тело моего гостя способно приобретать любые формы. Неизменной остается только его душа, вернее, некая субстанция, которую мы, земляне, привыкли именовать этим словом. Его внешний вид зависит от того, в какой компании он находится в данный момент. На этот раз, как и во время прошлого визита, он облачился во вполне обычную одежду, хотя и немного старомодную: черный фрак с фалдами, темно-синяя шелковая сорочка со стоячим воротником, муаровый галстук цвета ночи и лаковые полусапожки с пряжками. Примерно так ходили статские еще во времена Александра II, лет шестьдесят назад. Но разве для бессмертного и вечно живого существа пятьдесят лет срок? Нет, конечно. Так, минута, не больше... Ах да – чуть не забыл! – его руки, как всегда, были упрятаны в темные матерчатые перчатки, и он держал обычную деревянную трость с перевернутым крестом на ручке, без всяких черепов или гусиных голов-набалдашников. Вот, пожалуй, и все.

Я протер глаза и уселся на кровать, пытаюсь прикрыть кальсоны одеялом. Сквозь незадернутые шторы в комнату лился синий лунный свет, и не было никакой надобности зажигать лампу. К тому же я помнил, что этого он не любит.

– Это вы?

— Ага, — буднично ответил он и горько усмехнулся. — А вы, я вижу, совсем мне не рады. Я всегда говорил, что люди — существа неблагодарные. А впрочем, это не основной их недостаток. Главным человеческим чувством является зависть. Она присутствует везде: старые завидуют молодым, женатые — холостым, бедные — богатым, хронические неудачники — успешным... Этот ряд можно продолжить до бесконечности, но есть ли в этом смысл?

Искуситель снял цилиндр и положил его на тумбочку. Затем пододвинул стул, устроился поудобнее и спросил:

— А знаете ли вы, милейший, что станет с этой страной всего через два года и двадцать пять дней?

– Россия разобьет Германию, – несмело предположил я.

– А вот и ошибаетесь, любезный. Через указанное время разразится великое веселье! Люди перестанут придерживаться отживших свой век правил и станут, наконец, свободными. Здание Окружного суда подожгут в первую очередь. И вскоре каждый сможет убить каждого. Нужно будет только этого захотеть. И все. Вот вы, например, – он уставился на меня своим жутким немигающим взглядом, – как долго испытывали желание проткнуть свою супружницу ножичком, а? Ходили позади нее и думали: «Вот бы ударить ее сзади! Вот бы всадить лезвие в спину по самую рукоять!» А? Было дело? Признайтесь!

– Дд-а, – промямлил я.

– То-то же! Я помню, как вы еще представляли, как повернется она к вам, посмотрит удивленно и спросит с глупым видом: «Зачем, милый? Зачем ты сделал это?» А вот тут, – он поднял вверх указательный палец, затянутый в черную перчатку, – мешкать нельзя, надобно резко выдернуть лезвие из нежной женской плоти и вонзить еще пару раз и провернуть внутри, чтобы наверняка! Чтобы заснула голубушка вечным сном! Согласны?

Я смиренно опустил глаза.

– Но вас, насколько я помню, больше всего беспокоило ближайшее будущее: как в один миг, после всего лишь нескольких взмахов кухонного ножа, изменится ваша жизнь? И как общество осудит вас? Вы полагали, – и в этом была

немалая доля истины, — что от вас отвернутся сослуживцы, соседи и друзья. Думали, что некоторое время об убийстве будут писать все газеты и вы обретете известность. Правда, ненадолго, потому что после суда все забудется. И вы — уважаемый в городе человек — пойдете по этапу. Воры, насильники, умопомешанные душегубы будут вашими постоянными спутниками. Но и среди них вам не найдется достойного места, потому что вы слабы и изнеженны. А значит, вы станете тюремным изгоем. Над вами начнут издеваться, вас станут унижать, вы будете просить смерти, но она не придет. А? Ведь признайтесь, вы так об этом и думали? И от этих мыслей вас бросало в дрожь! «Вот так — всего один-единственный удар, и вся жизнь покатится под откос и безвозвратно сорвется в бездну!» У вас дрожали колени, лоб покрывался испариной, и сводило скулы от соблазна увидеть, как медленно будет оседать на пол эта ваша рыбка, зайка, солнышко, да? Помните, как вы мечтали об этом?

Я лишь повел головой и тяжело вздохнул.

— Однако от этого смелого поступка вас удерживал страх. Вы боялись возмездия и не знали, как скрыть следы, куда спрятать труп и, вообще, что говорить судебному следователю, когда он вас вызовет на первый допрос и, потягивая папиросу, будет сверлить лукавым взглядом. Разве нет?

— Угу, — признал я.

— И если бы не я — ваша мечта так никогда бы и не осуществилась. Не научи я вас всем этим премудростям, смогли

бы вы отважиться на смелый и решительный поступок, а?

– Нет, наверное...

– То-то же! Однако вы, сударь, не один такой! Сотни тысяч грезят о том, чтобы безнаказанно отнимать жизнь у других, наслаждаться их муками, смотреть, как они корчатся от боли, а самим жить-жить-и-жить на глазах у ползающих в кровавой грязи и молящих о пощаде жалких червяков! И эти мечты давно поселились в их душах. Мне лишь осталось научить их, как объяснить потомкам, что все жертвы были оправданы некой «революционной борьбой», «исторической необходимостью» или «классовым принуждением». Знаете, сколько у меня уже заготовлено таких словечек и лозунгов! И, поверьте, все у нас получится! Да-да!.. Они – мои единомышленники и последователи – станут не только убивать, но, так же как и вы, отрекутся от нашего заклятого врага, от того, которому молятся в этих каменных замках, именуемых церквями. И поверьте, пройдет несколько лет, и от бесполезных строений с позолоченными куполами не останется и следа. А те, что уцелеют, превратятся в коровники и амбары. – Он замолчал на миг, рассмеялся и продолжил: – Представляете, на месте одного из самых почитаемых святыищ устроят бассейн с подогретой водой! – Князь демонов поморщился и добавил: – Правда, по ночам, время от времени, над его поверхностью будет возникать образ снеженного Храма. Но тут уж ничего не поделаешь – происки Ангелов! Зато попов – этих толстобрюхих фанатиков – со-

всем скоро будут раздевать догола, вымазывать дегтем, обсыпать перьями и водить по улицам как конокрадов! Изнашивание благовоспитанных поповских дочек будет считаться особым шиком. Священники станут каторжниками, а каторжники – судиями! Прелюбодеяние будет обыденным явлением! И любой солдат или матрос сможет развлечься с молоденькой графиней, баронессой или княжной – когда захочет! И представьте себе – совсем бесплатно! Для этого – вот потеха! – даже будут выдаваться «мандаты на социализацию девушек в возрасте от 16 до 25 лет, но не более 10 девиц на одного красноармейца».

– Простите, на кого?

– Красноармейцами будут называть тех, кто пойдет за мной. На их суконных шлемах будет красоваться мой знак – красная пятиконечная звезда. Правда, слегка измененная.

– А куда же будет смотреть полиция, городовые? – робко осведомился я.

– Фараонов вспомнили! – хохотнул Князь Тьмы. – Первое время они будут прятаться по чердакам и подвалам, но их все равно отыщут и выволокут за волосы, как крыс за хвосты. Головами оных даже будут играть в этот... – он замялся на миг, – в английский football.

– А царь! Как же царь все это допустит?

– Кровавого Николашку, этого – простите за выражение – «помазанника Божьего», прикончат вместе со всем выводком! И поделом!

Повелитель Тьмы вдруг поднялся и заходил по комнате из угла в угол. И я, пораженный услышанным, не сводил с него взгляда. Вдруг мой визави повернулся ко мне спиной и, глядя в окно, сказал тихо и немного растерянно:

– Одного понять не могу, как они ухитрились причислить к святым человека, безжалостно расстреливавшего несчастных ворон, милых черных кошек и страдающих паршой бродячих собак? Нет, право, согласитесь, это ведь форменное лицемерие! Разве нет?

Я лишь пожал плечами, но ничего не ответил, потому что и вправду не смог припомнить ни одного святого, который развлекался бы подобным образом. «Слава Господу, – проговорил я про себя, – что тиран и мучитель Иван Грозный, который еще в детстве любил сбрасывать с колокольни щенков, к таковым пока не отнесен, слава Богу!»

– Извольте при мне, милостивый государь, не выражаться! – раздраженно выговорил он.

– Но я и не сказал ничего-с...

– Какая разница! Вы восславили Его имя! – нервно выпалил сатана. – Вероятно, вы забыли, что для меня мысли смертных так же слышимы, как и их голоса.

– Вырвалось, виноват, привычка-с, – извинился я и тут же, все еще сгорая от любопытства, поднял глаза и осмелился спросить: – Значит, через два года и двадцать пять дней случится революция?

– Можно сказать и так, – устало ответил лукавый. – Но

за ней произойдет государственный переворот. Народу явится долгожданная вседозволенность. Законов не будет. Делай что хочешь. — Он повернулся ко мне и добавил с легкой ухмылкой: — Смею заметить, что поступками восставших будет управлять даже не стремление к свободе, а желание полностью излить досаду за чужое благополучие, за безбедную жизнь других. И эта злоба копилась целое тысячелетие! Поэтому-то я и сказал вам еще в начале нашего разговора, что зависть — двигатель прогресса всего человечества!

Ночной гость сделал два шага, устало плюхнулся на стул и проговорил:

— Простите, заболтался. Давно, знаете ли, ни с кем не общался. А тут случай представился. — Он пробуравил меня жгучим взглядом и продолжил: — Но вернемся к вам... За минувшие сутки у вас трижды промелькнула одна и та же мысль. Надеюсь, не надо напоминать, какая именно?

— Нет-с...

— Вот и хорошо. Теперь вы поняли, почему я снова здесь? Я кивнул.

— Тогда слушайте...

3

Беда

Дворник Архип Шлыков зиму не любил. По сравнению с летом работы добавлялось вдвое больше. Ночи в феврале хоть и длинные, но спать удавалось мало. Вставать приходилось до света и корпеть весь день. Двор почистить, перекладывая сугробы поближе к снеготаялке, посыпать песком дорожку к ретираднику, выдолбить лед, намертво прихвативший калитку, а потом у колоды, где стоят извозчики, убрать конский навоз (за это, правда, возникшие платили Архипу исправно – с каждого экипажа по рублю в месяц). То же и чугунные надолбы напротив, как только солнышко пригреет, надо подновить. А вот тут без постного масла с сажей не обойтись. Только вот для салопов и шинелей невнимательных пешеходов эта смесь – чистая погибель; пристаёт намертво, не ототрешь и не отмоешь. А что делать? Не помажешь – навлечешь гнев околоточного надзирателя. И не дай Господь, если он домовладельцу штраф выпишет. Тогда неприятностей не миновать. Хозяин и рассчитать может сгоряча. Справедливости ради надо сказать, что такого с Архипом еще не случалось. Были, конечно, мелкие упреки, но до резкостей дело никогда не доходило.

– Меня Артем Савельевич уважают и ценят, – хвалился

Шлыков приятелю Митьке – собрату с соседней улицы, попивая в своей каморке чай вприкуску, – я их благородиям – господам Табасовым – верой и правдой почитаю десять годов служу. Будь я старшим, уже бы и медальку юбилейную получил к 300-летию Царствующего Дома. Бают, и нашего брата в прошлом годе награждали, во как бывает!

– Бывают, и медведь летат! – отшучивался земляк, потягивая чаек из блюдца.

Прибрав на улице, Архип принимался носить жильцам воду и дрова, потому что водопровода и центрального отопления не было. «Пока обойдешь все три этажа – истаскаешься, пропотеешь до исподнего. А еще и черную лестницу прибрать поспеть. За ней – парадную; опосля и коридорную протопить. На все время потребно, и немалое. То ли дело в серьезных домах на Невском или на Большой Морской, там за ентим швицары досматривают, а не дворники», – разглаживая широкие усы, жаловался он Анне Извозовой, проживающей во второй квартире.

Эта молодая и кроткая девушка напоминала сорокапятилетнему бобылю его любимую племянницу Глашеньку – младшую дочь сестры, – дитя чистое и непорочное. Летом, навещая родственников в глухой деревеньке под Псковом, Архип всегда привозил ей из города гостинец: то шоколад, то конфеты, то заморские апельсины. Вот и Аннушку он любил так же, по-отцовски.

Постояльцы платили дворнику за труды по-божески – по

пятьдесят копеек с квартиры, а на Пасху, именины и Рождество давали на чай, баловали водочкой и угощали закуской. В такие дни Архип всегда просыпался в хорошем настроении. Он натягивал хромовые сапоги, надевал сатиновую рубашку, двубортный глухой жилет с отложным воротником, пиджак, водружал на голову развалистую старую шляпу и шел по квартирам желать всем здоровья и собирать дань. Высокий от природы – почти десяти вершков роста² – в этом чудаковатом головном уборе он казался еще выше. И только к Извозовым он старался не заходить вовсе. История с внезапно ослепшей матушкой Анны настолько разжалобила Архипа, что он отказался от всяких подношений этой бедной семьи. Даже воду и дрова он таскал им бесплатно. Но девушка настояла на том, чтобы дворник отдавал ей чинить свою одежду.

Наугощавшись в квартирах, Шлыков шагнул в любимый трактир, чтобы еще раз «двинуть от всех скорбей». Службу за него в такой день нес какой-нибудь земляк, с которым он заранее договаривался. И к вечеру верный страж доходного дома на Болотной напивался в стельку. Но под заборами он никогда не валялся, и дворняга ему нос не лизала. Обратно его привозил знакомый извозчик и, поддерживая под руки, помогал спуститься в дворницкую. Цепляясь носами сапог

² Вершок – мера длины, равная 4,4 см. Вершок главным образом использовался как мера длины при определении роста, причем заранее полагалось, что счет ведется после двух аршин, т. е. после 142 см (аршины в речи не упоминались). Таким образом, упомянутый рост составлял 186 см (*прим. авт.*).

за ступеньки, Архип тихо и беззлобно бранился и ложился спать. К обеду следующего дня он как ни в чем не бывало появлялся во дворе с метлой и совком, в белом холщовом фартуке и в форменном картузе. На левой стороне отворота красовалась медная бляха, а на околыше фуражки табличка с надписью «Дворник». Лакированный козырек играл солнечными зайчиками. И лишь по темному сумрачному лицу и опущенным усам было понятно, что накануне метельщик «доехал» не только «до Колпина»³, но и «до Бологова»⁴. И, конечно, не единожды. Впрочем, кружка холодного капустного рассола и рюмка водки вновь возвращали его в благостное расположение духа.

Жильцов, возвращавшихся домой поздними вечерами, Архип безошибочно определял по манере звонить. К тому же и колокольчик висел тут же в комнате, прямо над головой. Больше всего досаждал студент из четвертой квартиры. Он трижды, будто змеей ужаленный, безостановочно дергал ручку. И пока «хозяин двора» сползал с топчана, почесываясь и позевывая, шлепал босыми ногами к дверям, набрасывал тулуп и выуживал из кармана ключи, ночной гуляка все трезвонил. Проволока натягивалась и слабла, и обезумевший колокольчик, ударяясь о стену, будто в припадке

³ «Колпино», «до Колпина» (*жарг.*) – одна рюмка водки за 10 копеек; отсюда: «съездить в Колпина» «пройтись до Колпина», «доехать до Колпина» (*прим. авт.*).

⁴ «Бологое», «до Бологова» (*жарг.*) – стакан водки за 15–20 копеек (*прим. авт.*).

падучей, заходилась в бесконечном перезвоне. И что самое обидное: все намеки «на чаек», «на водочку», «на поздний час» молодой постоялец пропускал мимо ушей, не пожаловав ночному привратнику даже пятака за беспокойство. Со всем игнорировать это безобразие дворник не мог, и хоть и был человеком незлопамятным, но дрова господину студенту доставались теперь всегда сырые, а вода заносилась в самую последнюю очередь. Вот потому-то загрустил старый ворчун и огорчился не на шутку, когда понял, что Аннушка – невинное создание – влюбилась в этого молодого хлыща.

– Добром, Митя, это не кончится, попомни мое слово! Соблазнит девку, поматросит, опозорит на весь квартал и бросит, студент ентот, – громко откусывая кусок сахара, сетовал Архип товарищу и наполнял из самовара очередной стакан горячего, как расплавленный чугун, чая.

Так и сидели они однажды, чаевничали, как вдруг на стене неистово загремел колокольчик.

– Не иначе как постоялец из четвертой воротился! – досадливо пробурчал дворник, бросил взгляд на ходики и поплелся отворять калитку.

– Дык и я, пожалуй, пойду, – поднимаясь из-за стола, проговорил гость. – Поздно уже, а завтра опять до зари вставать...

На улице сквозь белую пелену снегопада тускло проби́вался свет керосинового фонаря. От самых ворот мелькнула и исчезла чья-то тень. На снегу лежал человек. Лицо было

закрывать платком.

– Желтобилетница, не иначе, – предположил Митька. – Пьяная, видать, набралась, стерва...

– Погоди, откроем, увидим, – проворчал Архип, пытаясь отворить калитку.

Но ключ не проворачивался, и замок не поддавался. От предчувствия чего-то страшного у дворника заколотилось сердце. Понимая, что с калиткой быстро не справиться, он распахнул ворота изнутри и подошел к женщине. Склонившись над телом, дворник откинул от лица пуховый платок. Под ним лежала окровавленная марля. От нее пахло чем-то сладким. Убрав ее, он почувствовал, как к горлу подкатил удушливый комок.

– Господи! Аннушка, красавица моя, да кто ж тебя так изувечил?

– Ироды! – в ужасе прошептал Митька и отвернулся, чтобы скрыть набежавшие слезы. Помолчав немного, он добавил: – Дышит, выходит, жива; в беспамятстве, правда, но жива.

– Вот беда так беда!.. А ты давай, лети за доктором, что в твоём доме живет, да городского предупредить не забудь, – дрогнувшим голосом повелел Архип.

Он поднял тело на руки и бережно понес к себе в дворницкую. А Митька перво-наперво, достав медный свисток, во всю силу своих легких оповестил округу о том, что на Болотной стряслась беда.

Главный сыщик столицы

С раннего утра начальник Сыскной полиции Петрограда был в дурном расположении духа. Виной всему – поступивший отчет о вчерашних преступлениях. Среди краж, разбоев и убийств – их количество почти не выросло по сравнению с прошлым месяцем – больше всего беспокоило странное преступление на Болотной. Как сообщалось в донесении, девушка двадцати лет, Анна Ивановна Извозова, модистка ателье «Мадам Дюклэ», была найдена дворником Архипом Шлыковым по месту жительства (у ворот доходного дома) в бессознательном состоянии и с многочисленными ранами лица. Карета «Скорой помощи» доставила пострадавшую в Лечебную глазную больницу. В результате врачебного осмотра установлено, что Извозова, находящаяся без чувств вследствие применения хлороформа, подверглась истязанию в виде вливания серной кислоты в глазные яблоки, что привело к полной и безвозвратной потере зрения. Однако кожа вокруг глаз была без повреждений. Кроме того, на лице имелись глубокие рваные раны, находящиеся на одинаковом расстоянии друг от друга. Их рисунок напоминал перевернутые кресты. Всего таковых насчитали три: на лбу и обеих щеках.

Как опытный сыщик, немало повидавший на своем веку,

Владимир Гаврилович Филиппов понимал, что, скорее всего, за этим преступлением последуют другие, весьма похожие на только что совершенное. И тогда город может охватить паника.

На память пришли события шестилетней давности, когда у Калашниковой набережной выловили труп проститутки с множеством ножевых поранений. За этим преступлением последовали другие. Ежедневно горожане с опаской ожидали новых сообщений об очередном смертоубийстве петербургского маниака. И столичные газеты не упускали случая «порадовать» обывателей своей осведомленностью. Кошмар закончился только через два с половиной месяца, и то лишь благодаря внимательности коридорного одной из гостиниц, сумевшего задержать душегуба. Но сейчас тот самый убийца находился на каторге и никак не мог оказаться в Петрограде.

«Неужели появился новый? – задавался вопросом действительный тайный советник. – Да, сердце подсказывает, что в этом деле будет непросто разобраться. Тут нужен человек, который бы к расследованию подошел вдумчиво, без суеты. Жаль, что самому недосуг. Ничего не поделаешь. Слишком много у меня чиновничьих обязанностей. Одни беседы с посетителями занимают не меньше трех часов в день, не говоря уже о совещаниях в Департаменте, рассмотрении почты и работе с разного рода депешами, циркулярами и приказами. А уж если в числе потерпевших оказывается кто-нибудь из родственников Великих князей или членов прави-

тельства, то и на место преступления приходится выезжать самолично... – Он поднялся из-за стола, подошел к окну и, рассматривая улицу, подумал, что лучшей кандидатуры, чем его помощник – Мечислав Николаевич Кунцевич, – пожалуй, не найти. Славой и мастерством подчиненный едва не перещеголял своего патрона. К числу его побед можно было отнести и отыскание драгоценностей из магазина Гордона в Гостином дворе, и участие в расследовании дела об убийстве госпожи Тимме, и разгром международной шайки фальшивомонетчиков... Всего, пожалуй, и не перечислишь. Да вот только еще одиннадцатого января вышел приказ о переводе надворного советника М. Н. Кунцевича в Департамент полиции на повышение. И теперь помощник дорабатывал на прежнем месте последние дни положенного месячного срока. «Стало быть, надобно искать другую кандидатуру», – решил для себя Филиппов.

Большие напольные часы, доставшиеся еще от отца – петербургского чиновника, – пробили десять. Пора было подниматься на второй этаж. Казенная квартира «русского Шерлока Холмса» располагалась в том же доме, что и Сыскное отделение, на Офицерской, 28, в здании бывшего съезжего дома 2-й Адмиралтейской части, в котором когда-то отбывал месячное заключение И.С. Тургенев.

В приемной столпились человек двенадцать. Заметив невысокого полноватого господина с густыми усами, ожидающие почтительно расступились. Уже в кабинете помощник

подал список лиц, записавшихся на беседу. Ба! Кого здесь только не было! И председатель правления Волжско-Камского Коммерческого банка, и учитель гимназии № 12, что у Аничкина моста, и графиня Баранцева, и даже известный ювелир Фролов.

На этот раз аудиенция длилась ровно полтора часа. По окончании Филиппов велел помощнику вызвать губернского секретаря Игнатьева.

Чиновник для поручений появился почти сразу же. Видимо, находился у себя. Высокий, крепкого телосложения – на вид ему было не более тридцати пяти лет, – с открытым лицом и умными глазами, он невольно внушал доверие любому, кто с ним впервые сталкивался.

– Прошу, Петр Михайлович, – указывая рукой на кресло, пригласил Филиппов и расположился напротив.

Он взял со стола лист с сообщением о вчерашнем преступлении на Болотной и протянул подчиненному. Дождавшись, пока тот ознакомится с текстом, сказал:

– Я бы хотел, чтобы именно вы занялись этим делом, хотя злодеяние совершено и не на вашем участке. Несомненно, будет начато уголовное следствие... И, как вы понимаете, все поручения следователя придется теперь исполнять вам. Я боюсь, что за первым нападением последуют и другие. Как видите, уже сейчас вопросов больше, чем ответов. Ну, например, мне непонятно, почему злоумышленник не прикончил жертву, а только выжег глаза? И что означают пе-

ревернутые кресты? Зачем понадобилось выкалывать ряды кровавых точек? Как он умудрился наносить их на одинаковом расстоянии друг от друга? В конце концов, сама экзекуция заняла определенное время и изверга могли спугнуть прохожие, однако, несмотря на это, он продолжал методично выбивать острым предметом кресты. Гораздо проще было изрезать лицо бритвой или лезвием. Право, чушь какая-то, не находите?

– Да, странности имеются, но только на первый взгляд, – разгладив усы, задумчиво вымолвил сыщик.

– Простите?

– Я думаю, что не ошибусь, если предположу, что это дело рук субъекта, охваченного безумной идеей, маниака.

– А вот этого, Петр Михайлович, я боюсь больше всего. – Начальник поднялся и заходил по кабинету, нервно щелкая костяшками пальцев. – Прогнозировать поступки сумасшедшего почти невозможно. Агентура здесь тоже вряд ли поможет. Боюсь, что и от картотеки будет мало толку. Отпечатков пальцев, как вы, очевидно, догадываетесь, преступник не оставил. Да и о каких следах говорить, если девушку обнаружил на улице дворник, а карета «Скорой помощи» отвезла ее в больницу? Тут необходим холодный расчет и точный удар, как в бильярде. Правда, сведений и фактов пока негусто. Но ведь так всегда бывает вначале: ни зацепок нет, ни свидетелей, а потом глядишь, и потянулись ниточки...

– Распутаем, Владимир Гаврилович, обязательно распута-

ем этот клубок.

– Это хорошо, что у вас такая уверенность, хорошо-с... Жаль только, времени у нас мало. Преступника мы должны обезвредить раньше, чем он поднимет руку на следующую жертву. Должны-то должны, – проговорил Филиппов, вновь усаживаясь в кресло, – но я отлично понимаю, что сделать это совсем непросто.

Игнатьев пожал плечами и заметил:

– Сейчас важно найти ответ на главный вопрос: случайно ли была выбрана жертва или нет? Во всяком случае, нелишне присмотреться к окружению потерпевшей, расспросить подруг, соседей, дворника.

– Вижу, я в вас не ошибся! – поднимаясь, выговорил хозяин кабинета. – Докладывайте мне о деле каждые три дня. С Богом!

Когда за подчиненным закрылась дверь, Филиппов вдруг вспомнил, что особенностью злодеяний петербургского Джека Потрошителя, пойманного в сентябре 1909 года, явилось то, что все его жертвы были брюнетками. «Надо бы узнать, – подумал он, – а не брюнетка ли пострадавшая?

Статский советник

Клим Пантелеевич Ардашев к столице относился без почтения. Серый, холодный город с влажным и нездоровым климатом производил на него удручающее впечатление, и даже тогда, когда он возвращался из бесчисленных зарубежных командировок.

Выстроенные на болоте и человеческих костях дома, мосты, площади, улицы и храмы заметно отличались по своей архитектуре от истинного русского простого и понятного стиля, которому издревле следовали зодчие Москвы, Нижнего Новгорода или Ярославля. Желание царя-реформатора возвести в устье Невы европейский город осуществилось. И раскроенный на широкие прямолинейные проспекты, завершающиеся громадными шпалеобразными башнями, изрезанный каналами и соединенный мостами, Петербург стал гордостью России. Правда, наряду с этим он лишился некоего общего духовного начала, пуповины, исходящей от Москвы-матушки, которая связывала между собой все русские города, питала и делала их похожими друг на друга. И ополоумевший дьячок Троицкой церкви, встретивший ночью кикимору, и обезумевший городской, который два столетия спустя узрел черта, правившего пролеткой на Васильевском

острове, все они, как заговоренные, твердили одну и ту же, разлетевшуюся потом фразу: «Быть Петербургу пусту!»

«А что практически это предсказание может означать? — сидя в экипаже, размышлял Клим Пантелеевич. — Пожар, наводнение? Нет. Все это уже случалось. Тогда что?» Статский советник снял перчатку, достал из кармана коробочку с надписью «Георг Ландрин» и, выудив желтый леденец, положил под язык. «Смута, — мысленно ответил Ардашев. — Именно смута, как в 1905 году. Ни одно стихийное бедствие не сравнится с ней. Она рождает голод, эпидемии, пожары и массовые смертоубийства. От нее невозможно спрятаться, трудно спастись. Опасность грозит отовсюду. Богобоязненный крестьянин, исправно посещавший воскресную службу в деревенском храме, мастеровой, бывший на хорошем счету, или благодушный студент, дающий уроки купеческим детям, в один миг превращаются в полную свою противоположность, в умственно изуродованных революционной проповедью людей. Но отчего происходит эта метаморфоза? Как так случается, что пороки, скрытые и загнанные на самое дно человеческого сознания, вдруг выплывают на поверхность и покрывают маслянистым пятном еще недавно светлую душу? Но самое страшное заключается в том, что это превращение происходит с сотнями тысяч людей одновременно. И они, точно и не было у них ни родителей, ни церкви, ни гимназических преподавателей, неожиданно уподобляются бешеному стаду, уничтожающему все на своем пути.

Они, точно ведомые бесом, готовы на самые отвратительные поступки. С каждым днем бесчинствующая толпа растет и множится в геометрической прогрессии. А впереди вожаки – люди, которые давно перешагнули внутри себя запретную нравственную черту: недавние бомбисты, грабители, убийцы губернаторов и жандармов».

Утонув в поднятом бобровом воротнике, в теплой боярке, бывший присяжный поверенный Ставропольского Окружного суда, а ныне чиновник по особым поручениям Министерства иностранных дел, рассеянno глазел по сторонам, погруженный в невеселые раздумья. Мимо пролетали нервные таксомоторы, скрипел колесами трамвай, на тротуаре лотошницы зазывали отведать пирогов с зайчатиной, и в свежем морозном воздухе пахло арбузами. Где-то впереди, прямо между домов, мелькнул и скрылся багровый сгусток солнца.

«Да, – с сожалением подумал Ардашев, – если случится смута, то все начнется отсюда, с Петербурга, и только потом беспорядки перекинутся дальше, в провинцию. Но ведь хаос не может длиться вечно. Рано или поздно люди устанут от анархии. И снова захотят порядка и спокойной жизни. Им понадобятся работающие магазины, действующие больницы, безопасные улицы, полиция и суды, наконец. Следовательно, явится сила, которая и положит конец беззаконию. Только остается открытым вопрос, какая это будет власть? Добра или зла? Вот и может случиться, что слова, сказан-

ные замученным в «Тайной канцелярии» дьячком, окажутся пророческими. Тогда и впрямь: «Быть Петербургу пусту!»

Последнее время философское настроение все чаще посещало чиновника по особым поручениям ближневосточного отдела МИДа. Иногда к этим размышлениям примешивалось и разочарование, вызванное тем, что многие ожидания так и не сбылись. К примеру, Осведомительный Отдел, о котором перед недавней поездкой в Персию говорил князь Мирский, так и не был образован. Император не решился на создание политической разведки. Война требовала все больших ассигнований. На фронте не хватало снарядов и винтовок. И Государю казалось, что создание нового гражданского разведочного ведомства в дополнение к уже существующему военному в данный момент совсем неуместно. С таким мнением, конечно же, ни Мирский, ни Ардашев согласиться не могли. Ведь даже непосвященному в тайны межгосударственных интриг человеку понятно, что, выведывая секреты противника, разведка сохраняла тысячи жизней своих солдат и офицеров. Засим Климу Пантелеевичу не оставалось ничего другого, как в одиночку продолжать выполнять сугубо секретные миссии МИДа. Правда, на данный момент командировка в Персию оказалась его последней заграничной поездкой. Так уж случилось, что ценные сведения он черпал теперь в Петрограде, совсем неподалеку от Певческого моста⁵.

⁵ Так называли МИД по месту нахождения здания (*прим. авт.*).

Зерно успеха было посеяно статским советником еще пятнадцать лет назад. В то время он занимался созданием агентурной сети в Британской Ост-Индии (на Цейлоне, в Карачи, Бомбее и Хайдарабаде). Особенной удачей оказалась вербовка высокопоставленного чиновника английской колониальной администрации в Дели. Мистер Баркли делился с тайным русским посланником ценными сведениями, а взамен получал неплохое вознаграждение. Словом, механизм был отлажен, и агент вошел во вкус. Так продолжалось до тех пор, пока, в то время еще коллежский советник, Ардашев, выполнив операцию по перехвату личного послания премьер-министра Великобритании Артура Бальфура представителю Соединенного Королевства на ожидаемых российско-английских консультациях по разграничению сфер влияния в Персии, не получил свинцовый «подарок» от британцев в виде сквозного ранения обеих ног. Тогда Ардашева в беспомощности, охваченного еще и тяжелой формой тропической лихорадки, доставили в Одессу на борту углового суденышка под греческим флагом с документами на имя австро-венгерского подданного. Позже, когда стало известно, что «рыцарю плаща и кинжала» придется навсегда расстаться с тайными миссиями за рубежом, князь Мирский послал к Баркли другого куратора. Но Баркли исчез, отыскать его не удалось, и связь с ним считалась потерянной.

Выйдя в отставку, Клим Пантелеевич поселился в Ставрополе, где и прожил последние семь лет. Занимаясь адвокат-

ской практикой, он провел целый ряд сенсационных исследований, о чем не раз писали российские и иностранные газеты. Но летом прошлого года, узнав о покушении на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его морганатическую супругу герцогиню Гогенберг, присяжный поверенный прибыл в Петербург. Понимая, что в ближайшее время разразится война, он сдержал данное ранее слово и вернулся на прежнее место службы. Почти сразу дипломата командировали в Персию для выяснения обстоятельств гибели коллежского советника Раппа – второго секретаря российского посольства. Покойный, так же как и когда-то Ардашев, выполнял секретные поручения Певческого моста. И вот там, в Тегеране, общаясь с британскими коллегами-союзниками, он случайно выяснил, что в 1905 году мистер Уильям Баркли неожиданно подал в отставку и поселился в Австралии, в Мельбурне, где очень скоро получил неплохую должность при тамошнем генерал-губернаторе. Но его старший сын числился на дипломатической службе Соединенного Королевства. А в конце декабря прошлого года на Певческий мост прилетела новость, что на Дворцовую набережную, д.4⁶ со дня на день заявится господин Сэмюэл Баркли, назначенный на должность третьего секретаря посольства. После всесторонней проверки выяснилось, что вновь прибывший британец – родной сын «по-

⁶ По этому адресу в 1915 году располагалось посольство Великобритании (прим. авт.).

терпевшегося» агента из Дели.

Ну а дальше Ардашев «случайно» познакомился с Самюэлем в «Даноне» и вскоре пришел к выводу, что «объект» вполне пригоден для вербовки: тщеславен, не выдержан, склонен к пьянству, да и карьерист к тому же. Словом, «Like father, like son»⁷. Только вот руководство до последнего момента никак не решалось дать добро на вербовочную беседу. «А вдруг сорвется, вдруг не получится, – нервно покусывая ус, осторожничал князь Мирский. – Англичане – наши союзники, и неудача с Баркли-младшим неминуемо приведет к скандалу...» Однако обстоятельства чрезвычайного характера заставили принять предложение статского советника и пойти на риск.

Катализатором такого решения явилось то, что всю зиму 1914 года между Россией, Францией и Британией шли весьма сложные консультации по послевоенному устройству мира. Россия все еще не могла прийти в себя от прорыва германских военных кораблей под турецким флагом в Черное море и чудовищного обстрела Севастополя, Одессы, Новороссийска и Феодосии, от потоплений пассажирских пароходов «Великий князь Александр», «Ялта», «Казбек» и «Шура». Именно поэтому она и поставила перед странами Согласия вопрос о будущей передаче под свою юрисдикцию проливов Босфор и Дарданеллы. И было вполне логичным, что

⁷ Like father, like son – *англ. посл.*, «Каков отец, таков и сын»; эквивалентно русскому варианту: «Яблоко от яблони недалеко падает» (*прим. авт.*).

следующим на повестке дня будет вопрос о передаче России Константинополя. Сейчас, как никогда ранее, могла осуществиться многовековая мечта русских императоров о превращении византийской столицы в Царьград и установлении над Святой Софией православного креста. Петроград мог, наконец, получить достойную компенсацию за поражение в Крымской войне. Но как поведет себя Англия – страна, издавна считающая себя хозяйкой в этом регионе? И до каких пределов в отстаивании собственной позиции можно дойти в переговорах с британцами, чтобы не нанести ущерб коалиции? Война-то была в самом разгаре. Стало понятно, что нужен свежий источник, имеющий доступ к рекомендациям, поступающим из Лондона на Дворцовую набережную, д.4. И вот тут вспомнили о предложении Ардашева.

Вербовочную беседу Клим Пантелеевич построил на карьерных амбициях молодого дипломата. Он поведал Самюэлю о тайной деятельности его отца, предъявив копии двух листов собственноручных донесений Уильяма Баркли. Англичанин долго пялился на знакомый почерк родителя и нервно тряс под столом коленкой. Нетрудно было понять, что в случае обнародования этих документов на дипломатической карьере Баркли-младшего можно было поставить жирный крест. Да и всю оставшуюся жизнь его папаша наверняка провел бы за решеткой. Естественно, статский советник пообещал, что их сотрудничество прекратится сразу же после окончания переговоров о послевоенном положении

Турции. А как же без этого? В разведке не бывает лжи, в разведке бывает игра. И как водится, во время второй встречи, получив от третьего секретаря посольства нужные сведения, Ардашев одарил Баркли-младшего солидной суммой. И тот – поспешно и молчаливо – затолкал ее в карман. А вчера свежеиспеченный агент не только сообщил о готовности англичан пойти на уступки в отношении передачи России Босфора и Дарданелл, но и по собственной инициативе рассказал о планируемой британцами тайной операции по уничтожению германских кораблей, стоящих в портах под защитой береговой артиллерии. По вполне понятной причине его соотечественники не торопились делиться своими планами с Петроградом. Их замысел строился на идее американского инженера Саймона Лэка – хорошо известного в России своими подводными лодками класса Protector. (Еще одиннадцать лет назад четыре субмарины, работающие на бензиновом двигателе, были куплены российским морским агентом в США и в разобранном виде тайно вывезены в Либаву.)

Подлодки Лэка обладали весьма интересными особенностями. Наличие особой камеры позволяло выпускать водолаза для работы на дне, а небольшие полые чугунные колеса, выдвигающиеся из специальных ниш с помощью гидравлических механизмов, давали возможность передвигаться по дну (даже на предельной глубине погружения), не подвергаясь влиянию подводных течений. Кроме того, имелись особые отводы, благодаря которым лодка могла самостоятельно

приподнимать для прохода сеть, защищающую рейд с неприятельскими судами. Ко всему прочему последние модификации субмарин оснащались усовершенствованными приборами, с большой точностью определяющими пройденное по дну расстояние и глубину погружения. Эти данные, с учетом показаний компаса и подробной карты района боевых действий, позволяли безошибочно вычислять местоположение лодки и заданный курс следования без всплытия на поверхность.

В итоге планировалось миновать все системы заграждения в немецких портах и выпустить водолаза, который, расставив мины под днищами кораблей, должен вернуться на лодку. После отхода субмарины на безопасное расстояние смертоносные заряды приводились в действие посредством провода.

Однако было совсем непонятно, почему этот замысел держался в строжайшем секрете от России. Возможно, союзники боялись нежелательной утечки информации. По крайней мере, в это хотелось верить. Но, как бы там ни было, именно благодаря Ардашеву Петроград получил весьма ценного английского агента.

Между тем экипаж добрался до места назначения – модного салона «Мадам Дюклэ», где Клим Пантелеевич договорился встретиться со своей супругой и отправиться в театр «Пассаж» на французскую комедию. От лошади валил пар, точно ее обдали кипятком. Кучер натянул вожжи, ослабил-

ся и бросил через плечо:

– На чаек не обидьте, барин!

Щедро расплатившись с возницей, статский советник сошел с пролетки. Разбитной мальчишка в ушанке, размахивая газетами, громко кричал о потоплении немецкой подводной лодкой «У–16» французского парохода «Вильделим». Купив «Петроградский листок», Ардашев потянул на себя ручку двери модного ателье.

Вероники Альбертовны нигде не было видно. «Вероятно, в примерочной», – подумал Клим Пантелеевич. Сдав верхнюю одежду в гардеробную, он остался в вестибюле. Свежая газета еще пахла типографской краской, и Ардашев, расположившись в кресле, с удовольствием погрузился в чтение.

Военные сводки за 4 февраля сообщали об ожесточенных боях в Галиции. В районе Лубны и Студенны наши войска перешли в контрнаступление и взяли в плен 10 офицеров и 1400 солдат австрийской армии, захватили три пулемета. Немцы продолжали атаковать по всем фронтам. И если от Кюзовки до Вышковского перевала наступление противника было отбито, то в Буковине русские части отошли за Прут.

Короткая заметка раскрывала подробности подвига минного офицера Рогульского: «Исполняя свой долг при встрече транспорта «Прут» с германским крейсером «Гебен», в целях недопущения захвата судна более сильным врагом, лейтенант Рогульский бросился в пороховой погреб и взорвал корабль, погибнув геройской смертью».

Тут же имелось короткое сообщение штаба Кавказской армии о столкновениях с турками в Зачорахском крае.

Колонка «Иностранных известий» рассказывала о бомбардировке Цетинье австрийским аэропланом, сбросившим на город четыре бомбы. И хоть из трех взорвалась всего одна, в результате налета погибли две женщины и трое детей. «Король Николай немедленно прибыл на место, чтобы утешить пострадавших»...

Раздался чей-то смех. Статский советник оторвался от газеты и увидел симпатичную шатенку, выпорхнувшую из

дальней примерочной комнаты. За ней показался улыбающийся поручик. Веселая парочка прошествовала мимо. Скрипнула тяжелая входная дверь, и на пороге появился высокий человек в драповом пальто с поднятым воротником и в котелке («Одет не по сезону», — невольно отметил статский советник). Он осмотрел вестибюль и бросил взгляд на Ардашева. Дождавшись, пока поручик со спутницей покинут ателье, незнакомец сдал одежду и принялся о чем-то разговаривать с гардеробщиком. Погладив лысину и расправив усы, он стал перед массивным трюмо с высоким зеркалом из бемского стекла. В отражении посетитель продолжал наблюдать за Климом Пантелеевичем. Затем он прошествовал к комнате со стеклянной дверью и табличкой «Прием и выдача заказов» и что-то сказал. Не прошло и минуты, как туда же вошла роскошная брюнетка и увела визитера за собой. «Жандарм или полицейский? — задался вопросом Ардашев. — Скорее всего, полицейский. И пришел он сюда явно не костюм заказывать, а по служебной надобности — у него-то и свой совсем новый. Выясняет что-то... Да-с, — вздохнул дипломат, пробегая глазами по газетным строчкам, — работы у них хватает. Во время войны столько всякой нечисти набежало — не сосчитать, точно тараканов в кухмистерской».

Взгляд зацепился за небольшую заметку в колонке «Городские происшествия». В ней сообщалось, что «четвертого февраля в беспамятстве обнаружена белошвейка И-ва. Удивляет характер нанесенных увечий: глаза были выжжены

серной кислотой, а на лбу и щеках выбиты три перевернутых креста. Несчастную доставили в Лечебную глазную больницу. По мнению врачей, зрение восстановить не удастся. У потерпевшей на иждивении находится слепая мать», – писала газета. «Сколько же на земле еще сосредоточено зла! – с горечью подумал Ардашев. – Каким нужно быть изувером, чтобы ослепить девушку, содержащую незрячую мать? Что за ирод сподобился на такой поступок?»

Клим Пантелеевич достал из кармана золотой «Мозер» и нажал на репетир, – часы отбили четверть седьмого. До начала представления в театре Сабурова оставалось три четверти часа.

Послышался знакомый стук каблучков. Ардашев повернул голову – из ближней примерочной вышла Вероника Альбертовна. Она была бледна.

– С тобой все в порядке?

– Да, только я очень расстроилась. Представляешь, тут работала замечательная модистка – Анечка Извозова. Молодая, красивая... А на днях ее нашли на Болотной с выжженными глазами и какими-то жуткими крестами на лице. Об этом мне только что поведала Фаина Мелентьевна. После недавней примерки я хотела еще раз зайти к ней, чтобы узнать, как помочь бедной девочке, но мне сказали, что к хозяйке только что явился полицейский.

«Ага, значит, я не ошибся», – отметил Клим Пантелеевич. Он потянулся за портмоне и сказал:

– Но давай хотя бы оставим для нее деньги.

– Нет, – покачала головой супруга, – так не пойдет. – Она задумалась на миг и предложила: – А что, если мы прямо к ней наведаемся? Я могу узнать, куда ее доставили.

– Не стоит. – Клим Пантелеевич указал на газету. – Она в Лечебной глазной больнице. Здесь есть сообщение об этом происшествии...

– Так ты уже все знаешь?

– Совсем немного.

– Тогда едем?

– А как же Сабуров и «мадам русская Режан»? А твоя любимая Грановская?

– Никуда они не денутся. Сходим в другой раз. Пойми, я не смогу смотреть комедию, смеяться, аплодировать, когда знаю, что с Анечкой стряслось такое горе... А билеты, билеты я подарю... хозяйке, Фаине Мелентьевне. Она дама свободная, может, и найдет время. Хорошо?

– Как скажешь, дорогая. – Ардашев достал из кармана две синих бумажки с отштампованными местами в партере и протянул жене. – Пусть только поторопится. Времени осталось не так много.

– Спасибо, я мигом. А ты возьми пока мою шубу, ладно?

– Конечно. Но не спеши. Теперь в этом нет надобности.

Вероника Альбертовна вернулась быстро. Свободный экипаж ожидал неподалеку. Но до больницы ехать пришлось долго. Старая лошаденка шлепала расхлябанной подковой и

еле плелась, несмотря на угрожающие крики возницы. Она, видимо, давно знала добрый характер хозяина и совсем не боялась плетки. И в очередной раз не ошиблась.

На мосту подул ветер. С Невы потянуло холодом. На город опустился сумрак, но фонари еще не зажгли. На голых кленовых деревьях сидела стайка воробьев. Прыгая с ветки на ветку, птицы сбивались в кучу от холода и с опаской следили за двухместной каретой, подъезжающей к больнице. Извозчик натянул вожжи и остановил экипаж.

– Дождитесь нас, любезный, – помогая супруге сойти с подножки, велел Ардашев.

Привратник, сметавший со ступенек снег, придержал дверь и кого-то окликнул. Тотчас же появилась сестра милосердия. Это была женщина с морщинистым и уставшим от жизни лицом. Узнав цель визита, она попросила оставить одежду на вешалке и облачиться в белые халаты. Не проронив больше ни слова, смотрительница повела Ардашевых по длинному арочному коридору и остановилась у палаты № 11. Открыв дверь, указала рукой на дальнюю койку.

У самого окна лежала девушка с повязкой на глазах. Рядом, на тумбочке, виднелась простенькая керамическая ваза с дивными белыми лилиями. Кровати стояли в три ряда, по четыре в каждом. Углов, как и предписывали санитарные циркуляры, не было вовсе, и потому комната, словно корабельная каюта, казалась овальной. Пахло кислыми щами и кашей. Ардашевы подошли ближе, и Вероника Альбертовна,

увидев глубокие, намазанные йодом раны на знакомом лице, не смогла сдержать слез и невольно всхлипнула.

– Анечка, здравствуй, это я, Ардашева. Вот, пришли с мужем тебя навестить. Я как узнала о случившемся, так сразу к тебе...

– Здравствуйте, Вероника Альбертовна. Спасибо вам, – дрожащим голосом вымолвила девушка. – Мне, право, неудобно, что я в таком виде...

– Ничего-ничего. Ты, главное, не беспокойся.

– Позвольте, Анна, вопрос? – осведомился Клим Пантелеевич. – Может, вы что-нибудь запомнили? Запах одеколона нападавшего? Или слышали его голос?

– Ничего такого не могу сказать. Я шла, и все было спокойно. Помню, оглянулась саженой за сто до дома – никого не было. Но через несколько шагов позади меня заскрипел снег. Я припустила быстрее – и он тоже. А потом пахнуло в лицо чем-то сладким. И я будто поплыла куда-то на лодке и заснула. Об этом я уже рассказывала господину полицейскому. Он приходил недавно. – Она перевела дух и добавила горько: – Говорят, мне лицо изуродовали. Я чувствую, что оно болит, а в зеркало поглядеть не могу. Даже не представляю, какая я теперь страшная.

– Все образуется, Аня. Заживет личико. А я буду тебя навещать. Я помогу. Для тебя и для мамы найдем сиделку...

– Мамы больше нет. Она вчера, как только узнала про меня, сразу отравилась уксусной кислотой. Ее сегодня схоро-

нили. Ко мне наш дворник приходил, Шлыков Архип Никанорович. И я жить не хочу. Вот отправят домой – уйду к маме.

– Господи, девочка моя, да что же ты говоришь? Да как можно?

Клим Пантелеевич нежно обнял жену, шепнул ей что-то на ухо и покинул комнату. Первый раз за много лет статский советник пожалел, что бросил курить.

Вероника Альбертовна присела на край кровати и, утирая слезы, кружевным, надушенным платочком гладила Анину руку и боялась разрыдаться. Совсем не хотелось говорить. Любые утешения казались неуместными, ненастоящими, сказанными лишь для вида. Не было на свете слов, которые смогли бы унять черное, как болотный омут, горе. «Но почему же, Господи, ты обрушил на это юное создание свой вселенский гнев? В чем провинилось это дитя?» – спрашивала себя Вероника Альбертовна и не могла найти ответа. Она пробыла в палате еще какое-то время, но, будучи не в силах наблюдать трагедию, вскоре попрощалась и вышла.

Первым в экипаже заговорил Клим Пантелеевич:

– Как думаешь, милая, а не пошить ли мне фрачную пару?

– Еще одну? – Она пожала плечами. – Как хочешь.

– На этот раз, пожалуй, я закажу ее в ателье «Мадам Дюклэ».

Вероника Альбертовна воззрилась на мужа и неуверенно спросила:

– Ты собираешься взяться за это дело?

– Попробую.

– А как же твоя работа в МИДе? Она не пострадает?

– Думаю, нет.

– Но ты же видел, что стало с Аней. Преступник не оставится ни перед чем. Он очень опасен.

– Не волнуйся, дорогая. У него хватило смелости напасть на слабую девушку сзади, да еще и с хлороформом. Анна сказала, что почувствовала непонятный сладкий привкус и потеряла сознание – это верный признак применения усыпляющего вещества. Он и зверствовал, понимая, что жертва отключилась и не закричит от боли.

– Ты считаешь, что злодеем является кто-то из работников ателье?

– Пока трудно сказать, но с чего-то начинать надо. – Клим Пантелеевич вынул из кармана коробочку леденцов с надписью «Георг Ландрин». – Скажи мне, Вероника, хозяйка ателье знает, что ты замужем?

– Да.

– А что ты рассказывала ей обо мне?

– Говорила, что ты работаешь в МИДе.

– И все?

– Да.

– А про мои бывшие расследования ей что-нибудь известно?

– Нет.

– Фотографию мою, надеюсь, ты ей не показывала?

– Нет, а зачем?

– То есть меня в качестве твоего мужа она никогда не встречала?

– Нет. А почему ты меня обо всем этом спрашиваешь?

На вопрос жены Ардашев не ответил. Он открыл жестяную коробочку, выбрал красную конфетку и, положив ее в рот, заметил с сожалением:

– Жаль только, что приемщица сегодня видела нас вместе. И будет глупо после этого притворяться, что мы не знаем друг друга. – Помолчав немного, он добавил: – Но это неплохо. Пусть думает, что мы любовники.

– Любовники? – удивленно вскинула брови супруга.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – улыбнулся Клим Пантелеевич.

– Как можно допустить, чтобы обо мне складывалось такое мнение? – обиженно возмутилась Вероника Альбертовна.

– Ради торжества справедливости и поимки преступника тебе придется *временно* пожертвовать частью своей безукоризненной репутации. К тому же, – он хитро улыбнулся, – ты можешь вполне обоснованно ссылаться на частые отлучки мужа, на его заграничные командировки, на недостаток внимания и прочее. В общем, жалуйся на все, чем обычно оправдывают женскую измену во французских романах.

– Измену? О чем ты, Клим? – изумленно раскрыв глаза,

вопросила благоверная. – Надеюсь, ты не предлагаешь мне совершить этот грех?

– Успокойся, дорогая. Нет, конечно же, нет. Я не настолько люблю людей, чтобы ради их безопасности жертвовать семейным благополучием. – Он повертел в руках коробочку монпансье и сказал: – Но зато потом, когда я изловлю преступника и всем откроется наш маленький секрет, представляешь, какой это произведет фурор! Госпожа Ардашева находилась в любовной связи с... собственным мужем! Вот будет сенсация!

Вероника Альбертовна неуверенно вымолвила:

– Ну, если ты считаешь, что так надо...

– Да, милая, отнесись к этому как к маленькой невинной игре. Поверь, эта уловка позволит нам наблюдать за развитием событий с разных сторон и независимо друг от друга. Хорошо?

– Ладно, – с некоторой долей обреченности согласилась она.

– Вот и славно! И, пожалуйста, постарайся стать «настоящей» подругой этой, как ее....

– Фаины Мелентьевны.

– Да. Сходи к ней в гости, посмотри, как она живет, с кем встречается. А я тем временем наведаюсь в ателье. Вероятно, завтра, после семи я как раз туда заеду. Так что постарайся со мной там не встретиться, договорились?

– Хорошо, давай попробуем, только боюсь, что ничего хо-

рошего из этой затеи не выйдет.

– Но и хуже не станет. Нападавший действовал весьма предусмотрительно и достаточно хладнокровно. Возможно, это дело рук маниака. Если это так, то Анна Извозова – первая и далеко не последняя жертва.

– Господи! – одними губами прошептала Ардашева.

– Да, хотелось бы, чтобы мои предположения не сбылись.

Между тем извозчичья лошаденка с натугой вытащила против ветра экипаж и остановилась у доходного дома на Васильевском острове, между шестой и седьмой линиями Большого проспекта. Именно здесь, по солнечной стороне, в семикомнатной квартире третьего этажа и проживали Ардашевы.

Получив целковый, довольный возница зацокал языком, и послушная рыжая спутница, все так же шлепая подковой, неспешно потрусила обратно.

На ржавом карнизе сидели замерзшие голуби. Сонным взглядом они проводили и отъезжавшую пролетку, и немолдую пару, входившую в дом.

С гулким стуком затворилась тяжелая дверь. Птицы заворковали пугливо, но вскоре притихли, легкомысленно надеясь, что до утра их уже никто не потревожит.

6

Странная надпись

На следующий день Клим Пантелеевич отправился в ателье «Мадам Дюклэ». Войдя внутрь, он вновь обратил внимание, что из дальней примерочной комнаты вышла парочка – дама лет тридцати и мужчина, по виду богатый купец. Судя по тому, что незнакомка прятала глаза, а на щеках у нее проступал стыдливый румянец, можно было сделать вывод, что на дне ее сознания еще теплились угольки совести. Прелюбодеяние в этих стенах, судя по всему, поощрялось. И томный взгляд приемщицы, и неожиданное появление хозяйки заведения с образцами тканей, и ее сожаления по поводу того, что сегодняшняя вечер она «вынуждена опять коротать с Мопассаном», – все говорило о том, что в салоне над всеми властвовал Асмодей – демон сладострастия. Дабы сохранить инкогнито и не выдать супругу, для заполнения формуляра заказчика статский советник представился своим литературным псевдонимом – Побединцев.

Оставив госпоже Вяземской надежду на легкий флирт, Ардашев прошел в примерочную, которая находилась через стенку с той, откуда только что выпорхнула парочка. И сразу же он угодил в руки закройщика Арона Яковлевича. Вежливо и в то же время с полным безразличием он снимал мер-

ки клеенчатым аршином и заносил их в тетрадку. В его бормотании едва различались слова: «милости-с-дарь», «длина рукава», «пожалуйста, развернитесь», «сию минуточку», «полуокружность груди», «се бьен»⁸ «ширина спинки», «высота полочки», «се шарман»⁹, «пройма», «будет как влитой»...

Когда томительные минуты топтания и поворотов на месте закончились, портной попросил заглянуть к нему через три дня. Условившись об удобном для клиента времени, он тут же исчез.

Стараясь не попасться на глаза навязчивой хозяйке, статский советник покинул ателье. Он нанял таксомотор и отправился на Болотную, надеясь составить собственное представление о свершившемся там злодеянии. Привычка осматривать место происшествия появилась у Клима Пантелеевича давно, еще в 1907 году, когда он впервые взялся за расследование убийства ставропольского негоцианта Соломона Жиха. «А интересно, сколько всего я раскрыл преступлений? – невольно задумался статский советник. – Как-никак восемь лет минуло с тех пор, как ко мне заявился Соломон Моисеевич и попросил найти его будущего убийцу... Сразу и не сосчитать. Тем более что попутно приходилось выводить на чистую воду злодеев, не связанных напрямую с основным преступлением. Чего только не случилось за это время! И путешествие по Средиземноморью на «Королеве

⁸ «Это хорошо» – *фр. (прим. авт.)*.

⁹ «Это прекрасно» – *фр. (прим. авт.)*.

Ольге», и чередой «карточных» смертей на водах, и мои приключения в Ялте, и смертоубийство Тер-Погосяна, и коварный Азраил... Но труднее всего далась тайна персидского обоза. Вот уж где пришлось повозиться! Шутка ли, разгадать ребус восьмидесятилетней давности, не поддавшийся даже следователю III отделения – знаменитому Самоварову! А *chantage* настоятельницы Иоанно-Мариинского монастыря? «Ограбление» директора Азово-Донского Российского Торгово-Промышленного банка? Поиск городского отравителя? А роковая шахматная партия владельца доходных домов Ерофея Феофиловича Вахрушева? Пропажа драгоценностей графини Ростockой-Штауфенбах в Кавказском скором поезде? И это далеко не полный список всех моих разоблачений. Разве все упомнишь!»

На перекрестках злорадно выл ветер, спешили куда-то прохожие, и с треньканьем, предупреждая зевак, проносились желтые и красные трамваи. Их яркие цвета были особенно приятны зимой. Стемнело, и город зажег фонари. «Петербург, Петроград», – подумал Ардашев. Что за глупость! Город переименовали не спросясь, точно сорвали офицерские погоны. Он вспомнил, как на службе барон Нольде – директор юридической секции МИДа – поведал байку о том, что министр путей сообщения Рухлов, будучи на приеме у Государя, сказал как-то самодержцу, что, переименовав Петербург, он, мол, поправил самого Петра Великого. Но Николай Александрович не растерялся. Посмотрев вниматель-

но на министра, ответил: «Царь Петр требовал от своих генералов рапортов о викториях, а я был бы рад и вестям о победах. Русский звук сердцу милее». Может, и так, только Петербург за два с лишним столетия стал вполне русским звуком.

Автомобиль тем временем уже бежал по Болотной улице и напротив серого здания под номером «167» остановился. Шофер заглушил мотор и остался ждать.

Клим Пантелеевич вышел из машины, достал коробочку леденцов, выбрал прозрачную, как слюда, конфетку и, выбрасывая вперед трость, зашагал к воротам доходного дома. Из-за угла послышался скрежет снежной лопаты и показался дворник. Рассматривая богатого незнакомца, он спросил:

– Чем помочь, барин?

– А скажите, любезный, не вы ли, случаем, Архип Шлыков?

– Я и есть, – ответил мужик и недоверчиво покосился на незнакомца.

– Вот как! – обрадовался Ардашев. – Я хочу отыскать того злодея, который изувечил Анну Извозову, но для этого мне понадобится ваша помощь. – Он вынул портмоне, протянул целковый и сказал: – Возьмите, это вам за труды.

– Нет-нет, – замотал головой Архип, – как можно за благое дело деньги брать. Чай не нищий. Я и так вам все поведаю.

– Берите, голубчик, берите, – настоял Ардашев. – Выпьете за помин души ее матери.

– А вот от такого предложения не откажусь, – вымолвил тот и сунул рубль в варежку. Дворник перекрестился и провещал, точно на отпевании: – Упокой, Господи, рабу твою Полину.

Оказалось, что Шлыков обладал поистине феноменальной памятью. Он воспроизвел Ардашеву по минутам весь вечер, предшествующий той трагической минуте, когда в его комнате затрезвонил колокольчик и у ворот он нашел изувеченную девушку. Клим Пантелеевич терпеливо слушал подробный пересказ беседы Архипа с его приятелем Митькой, который служил в доме напротив. Но стоило ему упомянуть имя хозяина – Артема Савельевича Табасова, – как Ардашев принялся расспрашивать о его отношении к модистке. Дворник мялся, недоговаривал чего-то, а потом махнул рукой и выпалил как на духу:

– Да вязался он к ней, чего уж там. Девка-то – загляденье была. Но как узнал, что она со студентом амурничает, так и отстал.

– С кем?

– Да вон, – он махнул рукой на окно с открытой форточкой, – постоялец из четвертой квартиры. Голодранец голодранцем, а корчит из себя целое Высокородие! – сказал и осекся, понимая, что хватил через край.

– Бывает, – дипломатично проговорил Клим Пантелеевич и, глядя на стену, осведомился: – А что это там за надпись белеет?

– Где? – не понял Архип.

– Да вон же, в проеме. – Статский советник указал тростью.

– Не знаю, – пожал плечами тот.

Подойдя ближе, Ардашев прочитал выведенные мелом три слова: «Морок изведет порок». Слова были написаны печатными буквами.

Повернувшись к изумленному дворнику, он спросил:

– И давно это здесь?

Шлыков почесал за ухом и признался:

– Сказать затруднительно.

– А что, если с того самого времени, когда случилось нападение на Анну?

– Очень даже может быть. Сугроб высокий уже с неделю. Я думал, придет время – растает.

– Ясно. А теперь ведите меня к тому месту, где вы ее нашли.

– Да вот там, прямо перед воротами. Они были закрыты. А он, душегуб энтот, в сторону побег.

– Вы совсем не разглядели его?

– Да как увидишь? Метель. Да и в башлыке он был. Я, почитай, раз десять уже полиции об этом долаживал.

– Так-так, – глядя себе под ноги, пробормотал Клим Пантелеевич и принялся ковырять тростью снег. На свет Божий появился серебряный гривенник. – Ага! – как мальчишка обрадовался статский советник. – Вот вам и прибавка к целко-

вому. — Он подтолкнул тростью монетку к ногам Архипа. — Прибыток!

— Балуете вы меня, барин!

— Берите-берите!

— Благодарствую. — Он поднял находку и выговорил раздумчиво: — И когда же эта писанина-то появилась?

— Вчера.

— Вчера? Нет, вчера никак не может быть. Не...

— Однако же вчера вы куда-то отлучались. Ведь так? — неожиданно спросил Ардашев, глядя Шлыкову в глаза.

И тот, не выдержав острого взгляда, признался:

— Да, был грех. К Митьке ходил чаевничать.

— Вот! В этот момент надпись и появилась. Вы, кстати, ее не трогайте. Полиция может заинтересоваться.

— Понятное дело. — Он почесал за ухом и спросил: — А что, ежели ее раньше нацарапали?

Статский советник покачал головой:

— Никак невозможно. Второго дня метель была. Ветер с Невы дул — как раз на стену мело. Днем солнышко выглянуло. Снег смыл бы все. Или потеки бы остались, на худой конец. А тут, как видите, будто недавно выводили.

— Так, может, шуткует кто?

— Может... — Ардашев вынул жестяную коробку, положил в рот леденец и, не прощаясь, направился к ожидавшему его таксомотору.

Порванная цепь

Фаина Мелентьевна Вяземская – миловидная дама тридцати шести лет – после смерти мужа зажила счастливой, насыщенной удовольствиями жизнью. Нельзя сказать, что до этого она была несчастна, нет. Просто раньше ей приходилось приноравливаться к обстоятельствам, зависящим от ее благоверного, то есть подстраиваться под его желания. Теперь же она могла вести себя так, как ей хотелось, и посвящать себя любим, пусть даже самым экстравагантным занятиям, не ожидая колких насмешек со стороны супруга. И вот тут вдову закрутило в водовороте страстей и понесло по бурному течению мимолетных романов и новых знакомств.

Детей у Фаины Мелентьевны не было, а от покойного главы семьи ей достался солидный счет в банке «Лионский Кредит» и ателье на Измайловском проспекте под названием «Мадам Дюклэ».

Этот пошивочный магазин господин Вяземский купил за два года до своей кончины, чтобы отвлечь жену от занятий спиритизмом. Вывеску он нашел весьма удачной и потому не стал менять. Прежний хозяин был тоже русский и к французской фамилии имел точно такое же отношение, как Иван

Грозный к Наполеону Бонапарту.

Без лишней натяжки можно было сказать, что стройная брюнетка, утянутая корсетом до одиннадцати вершков и носившая декольте с Галерную гавань, ловила на себе жадные и липкие взгляды мужчин, чувствуя себя барышней на выданье почти точно так же, как и семнадцать лет назад. Правда, с предложением руки и сердца многочисленные и разновозрастные воздыхатели не торопились, за исключением одного коллежского секретаря, служащего в Мещанской Управе, да ветеринарного врача при товарной станции Варшавской железной дороги (встречи с ними она посчитала досадной ошибкой и вскоре забыла об их существовании).

Работа сама помогала ей обретать поклонников. Почти все ухажеры впервые знакомились с очаровательной хозяйкой здесь, в ателье, придя заказать что-либо из одежды. Если, по мнению приемщицы Пелагеи – племянницы хозяйки, – посетитель был достоин внимания Фаины Мелентьевны, то улыбчивая барышня тут же извещала об этом тетюшку, которая появлялась с образцами тканей. А дальше все зависело от желания самой госпожи Вяземской.

Изредка романы вдове надоедали. И тогда она оставалась дома. Спала до обеда, а потом, купив букет темных бархатных роз, ехала на Волковское кладбище, к мужу. Его могила находилась неподалеку от церкви Успения Пресвятой Богородицы. У серого холодного камня она оставляла цветы и оправдывалась мысленно перед памятью почившего тем, что

при его жизни она ему никогда не изменяла (ну, или почти никогда – какая разница! ведь он и сам наверняка не был святошей).

Воротившись домой на Гороховую, ей вновь хотелось развеяться, чтобы смахнуть с души кладбищенский холод и неприятное, изъедающее изнутри, сознание вины за отнюдь не безупречное поведение в обществе, о котором уже ходили слухи далеко не пуританского свойства. И потому, особенно в последнее время, она обзванивала не всех подряд, как раньше, а лишь только самых преданных друзей, приглашая к себе на журфиксы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.